

Муса ГАЛИ

От Шушенского до Лонжюмо

Каждый раз, когда я пишу о В. И. Ленине или просто раздумываю о его жизни, мысленно следуя по дорогам, которыми он прошел. Места, где В. И. Ленин жил и вел титаническую деятельность во имя прекрасного будущего, рассеяны по земным параллелям, как звезды на небе. Я как бы вижу несказанный свет и ощущаю удивительную силу притяжения этого ленинского созвездия: Ульяновск, Казань, Петербург, Шушенское, Уфа, Псков, Лонжюмо... Этим созвездием озарена вся наша жизнь и борьба во имя добра, во имя прекрасных коммунистических идеалов.

Когда летом 1972 года я впервые дышал воздухом Саян и Шуши, мне показалось, что я беседую с Лениным. Я трогал шершавые бревна шушенских домов, и возникало удивительное ощущение времени. Потом, попрощавшись с милыми бревенчатыми домиками, мыплыли по Красноярскому морю, и нам чудилось, что тот, кого на рубеже нового века приютила эта изба в Шушенском, пронзительно видел и это рукотворное море, и наше сегодня.

Летом и осенью того же года мне посчастливилось побывать в ленинских местах в Пскове, затем в Париже осмотреть музей-квартиру В. И. Ленина на улице Мари-Роз. Работник музея тов. Лежандр, узнав, что я из Уфы, долго хлопал меня по плечу и все время повторял: «Уфа, Уфа!»

Да, память о В. И. Ленине светла и вечна на земле цветущего Башкертостана. Мои земляки и гости Уфы ежечасно и еженощно приходят в уют-

ный домик с мезонином на свидание с вождем. Здесь молодой Ульянов призывал к объединению разрозненных марксистских кружков, к созданию общерусской марксистской газеты «Искра». В 1900 году Ильич дважды побывал в Уфе. Его страстные беседы и споры о насущных задачах времени, его встречи с Якутовым, с Циурпой, со Свидерским навечно запечатлены в памяти народной.

Пребывание Ленина в Уфе — эта тема сокровенна для башкирских литераторов. Одна из моих первых больших поэм — «Песня Агидели» — и есть робкая попытка освоения этой замечательной темы. В ней я стремился создать образ великого человека и в то же время подчеркнуть его земные, человеческие черты (картина купания в Белой, слушание башкирской песни и т. д.).

Вторая моя поэма также о Ленине. Она называется «Апрель». Я не буду ее пересказывать, но хотелось бы вспомнить о том, какое значение имеет ленинская тематика в моей поэтической судьбе. Произведения о Ленине являются чем-то особым в творческом багаже литератора. Разрабатывая эту высокую и ответственную тему, я вхожу в душу моего народа, учусь понимать историю, нравственную атмосферу других времен. Ленинская тема — это школа гражданственности в советской поэзии. Работать над образом Ленина — это значит учиться понимать цель и смысл жизни, психологию времен, современность. Это значит думать о будущем.

УФА

Был Я далеко не новичок в литературе, когда отважился написать первые рассказы о Ленине. Да и сейчас, на склоне лет, возвращаясь к этой теме, всякий раз испытываю робость: а справлюсь ли, сумею ли передать на бумаге те чувства и мысли, то ощущение гордости и взволнованности, которые рождает сознание особой ответственности темы, личной причастности к великому делу Ленина?

Ленин вошел в мою жизнь в самый сложный период. Сын акцизного чиновника, прапорщик царской армии, считавший, как водилось в офицерских кругах, интерес к политике чем-то вроде дурного тона, я был весьма далек от понимания истинных, глубинных причин страдания народа, неудач и поражений нашей армии на фронтах империалистической войны. В 1917 году в окопах Прикарпатя после очередной бессмысленной атаки, после того, как солдаты, прихватив с собой винтовки, стали поддаться с развалившегося фронта в красный Питер, я дал себе клятву: никогда не брать в руки оружия. Я был готов работать кем угодно и где угодно, но только не воевать. И работал: дорожным техником и чертежником, электромонтером и кочегаром...

Ускоренную школу политического ликбеза я прошел, оказавшись под властью петлюровцев. Отсидев в тюрьме за

Николай ГРИГОРЬЕВ

МЫ НАШ, МЫ НОВЫЙ МИР ПОСТРОИМ...

отказ служить в их войсках, я вдруг осознал, что дальше оставаться «нейтралом» нельзя. Нужно решать окончательно и безоговорочно: с кем ты и против кого?

Вот так интеллигент, давший клятву не брать в руки оружия, оказался на стороне революционного народа. В пору своей офицерской службы чувравшийся всех митингов и собраний, я стал прилежно их посещать. Как военный, я не мог не осознавать значения для победы над врагом солдатского духа и патриотических настроений и теперь хотел понять, в чем же сила этих людей, сторону которых я принял, что же и кто же стоит за их железной решимостью разрушить старый мир и построить новый? И какой этот новый мир?

И на митингах, и на собраниях с уст людей не сходило имя Ленина. Вставшие на защиту революции отряды рабочих, крестьян, бывших солдат

царской армии с именем Ленина связывали все. И веру в свою победу, и справедливость на земле, и надежду на лучшую жизнь для всех, а не для избранных. Никогда не забуду, как однажды к нам на фронт, в легендарную дивизию Щорса, в которой я командовал бронепоездом, привезли пластинку с речью Ленина. Старенький, латаный-перелатанный граммофон с горластой трубой установили на специальном помосте, покрытом кучаком. Вокруг в несколько рядов расселись бойцы. Но, прежде чем граммофон заговорил комиссару пришлось призвать к порядку слушателей, требовавших, чтобы трубу повернули именно в их сторону. Комиссар решил мудро, заявив, что пластинку прокрутят несколько раз, с «прямой наводкой» трубы на все подразделения.

На пластинке было записано обращение Владимира Ильича к бойцам Красной Армии. По

тем временам это казалось чудом — живой голос Ленина звучал за тысячу верст от Кремля. «Красная Армия, — говорил В. И. Ленин, — сильна тем, что сознательно и единодушно идет в бой за крестьянскую землю, за власть рабочих и крестьян, за Советскую власть. Красная Армия непобедима...»

Вглядываясь тогда в лица бойцов, я понял: действительно нет той силы, которая может остановить их решимость построить новый мир. Мир всеобщего равенства и справедливости, мир братства и торжества гуманистических идей.

Понял я и другое. Этот мир будет не только их миром, но и моим. И я буду за него воевать, не жалея сил, буду работать на его благо, пока бьется сердце.

Когда началась Великая Отечественная, я был беспартийным. Фашисты взяли город Ленина в жесткое голодное кольцо блокады. В декабре 1941 года, командуя на Ленинградском фронте саперным батальоном, я подал заявление с просьбой принять меня в партию. Вручили мне партийный билет во фронтовой землянке, под аккомпанемент тяжелых фашистских батарей, при свете мигающей от взрывов копилки, сделанной из снарядной гильзы. В гражданскую войну точно при такой же копилке я впервые в жизни прочитал Ленина...

ЛЕНИНГРАД

Янис НИЕДРЕ

ВСЕГДА РАБОТАТЬ НА РЕВОЛЮЦИЮ

О ЛЕНИНЕ я впервые узнал в десять лет. В 19-м году на нашем хуторе стояла батарея латышских красных стрелков, и комиссар батареи Шмидт в кратких предыдущих между боями рассказывал бойцам о Ленине. И всегда звал послушать меня, мальчишку.

Потом, уже подпольщиком, в камере Рижского центра я учился «жить по Ленину». Двое из двенадцати сокамерников знали Ленина лично и много рассказывали нам о пролетарском вожде. Особо запомнилось: «Ленин всегда, в любых обстоятельствах умел работать на революцию. И в тюрьме, и в ссылке, и в эмиграции». Вскоре и самому мне пришлось учиться этому же на практике. Охранники узнали о «ленинских уроках», избили нас и рассовали по одиночкам. Как послужить революции в этих условиях? Я решил изучать языки. Учился по Библии (другие книги давали редко), изучил французский, испанский, итальянский. Русский, немецкий, английский я уже знал. Позднее, когда меня снова определили в общую камеру, я смог переводить и делать краткие обзоры тех брошюр, которые просачивались в тюрьму с воли. Пути этих нелегальных брошюр были сложны — многие попадали к нам из Европы, и мое знание языков очень пригодилось.

Несокрушимая воля Ленина, его умение ни при каких обстоятельствах не поддаваться отчаянию (а именно таким предстал образ вождя в рассказах товарищей) дали мне силу в работе над первой большой книгой о революции — латгальской трилогией. Первая часть ее была изъята при обыске и аресте, в тюрьме я по памяти восстановил книгу, но при выходе из тюрьмы опять лишился ее. Был написан третий вариант, но и он пропал при отступлении с Красной Армией из Риги. Что ж по-

делаешь, я написал книгу в четвертый раз...

Теме революции посвящены почти все мои книги, ведь она была главным содержанием всей жизни. Когда я пришел к ней? Может, тогда, когда студентом университета подрабатывал на стройке и на фабрике или, работая в музее, исходил, собирая предметы старины, всю Латвию вдоль и поперек. Ночевал только у бедняков — не мог вынести чванства и высокомерия богатых хуторян. Моя тропа часто совпадала с тропой нищих странников. Сколько же горьких рассказов я слушался!

Потом были марксистские кружки, подполье, тюрьма, краткое время народовластия и приход гитлеровцев, работа в Совинформбюро и возвращение в освобожденную Латвию... Революция не дает мне отпуска и по сей день. Даже когда я попадаю в больницу. Там ведь обязательно встретишь кого-нибудь из товарищей по подполью. А каждый из них — бесценный свидетель. Когда писал трилогию о Петре Стучке, так пригодились мне воспоминания, которыми делились друзья по больничной палате. На всю жизнь усвоил я ленинский урок — работать можно в любых условиях.

Сейчас пишу книгу для серии «Пламенные революционеры» — о Пауле Дауге. Врач с мировым именем, он сыграл в революционном движении исключительную роль. В книге вместе с ним будут действовать Я. Райнис, Я. Янсон-Браун, Н. Бауман, В. Бонча-Бруевич, Е. Стасова и другие революционеры. Рассказывая о них, я не только хочу отдать дань подвигу, не только дописать еще одну страницу истории. Тема становления коммуниста, тема этики борьбы, высокой революционной нравственности очень актуальна. И ленинская гвардия дает для этой темы богатейший материал.

РИГА

ЗДЕСЬ УЧИЛСЯ ВОЛОДЯ УЛЬЯНОВ

Мария Прилежасва в средней школе № 1 г. Ульяновска

Фото А. КАРЗАНОВА